

Мирский Евгений Иванович

Я обычный мужик, фронтовик, тогда всем нужно было воевать. А сейчас никто не хочет идти воевать – это дезертиры.

Родился я в Ленинграде. Жил на Старо-Невском проспекте, около Полтавской улице. Отец был мастером на ткацкой фабрике «Динамо» и его на войну не взяли, мать не работала. Отец много где работал – и в милиции, и сталеваром он был, и в библиотеке и санитаром – четыре класса образования. Сумел в 1930 году получить квартиру, так как у него был подвешен язык. Мать из Калинина родом, отец из Пскова. Была сестра старше на год, медсестра в Военно-медицинской Академии.

До войны закончил семь классов. Учиться мы не очень хотели, вместо школы забирались на крышу и слушали музыку, то на колбасе поедим в цирк в кинотеатре «Родина». Приедешь, а отец спрашивал, как сынок отучился? что отхватил? Я начинал мямлить, а он по шее, как даст, и говорит, что вы с Вовкой на колбасе ехали, а он в трамвае был.

С детства я интересовался радио. Друг был постарше меня и здорово разбирался в радио. Мы ходили в школе в фотокружок и радиокружок, поэтому мне все это пригодилось. Я курсантам до сих пор говорю: «Не забывайте, чем кормитесь».

Война началась, когда мне было 14 лет. Блокаду пережили на Старо-Невском, дом наш пострадал, только рамы и стекла выбило, да угол задело. Соседний дом полностью разрушило (по Харьковской ул), на Старо-Невском пр. большая была воронка. Стреляли, потому что недалеко был госпиталь. На разрушенный дом приезжали смотреть со всех районов города – это были первые бомбы, сброшенные на город.

Отцу было 48 лет во время блокады, он свалился и в декабре умер на моих руках, затем мамка померла в марте. Свалился и я. От меня скрывали смерть матери, кто-то отвез меня в госпиталь, у меня была дистрофия 2 степени, я жить не хотел, хотел умереть – плохое было у меня состояние.

Сестра была санинструктором в бомбоубежище больницы Раухуфуса (угол Лиговского пр и 3 Советской ул), поэтому меня там оставили даже работать. Я грузил в больнице с другими ребятами трупы умерших, потом чинил плитки и громкоговорители. Затем главврач Михаил Александрович Гольберг и помощник главврача больницы Самаков сказал, что моя мать умерла, они мне будут за родителей и предложил остаться работать в больнице. Я ведь ничего не умею, но остался на три года. Мне дали телефонную станцию, три телефониста в подчинении, а был я радиолюбитель. Курсы радиомехаников закончил только после войны.

В больнице меня откормили, отъел рожу. В больнице были обстрелы – попало 4 снаряда. Я колол дрова, выполнял любую работу. Обеспечивал свет и связь. Я все рвался на фронт. Главврач Гольберг отговаривал – они мне сделали броню, а я хотел мстить за отца и мать.

Город жил что надо, было много музыки. Помню, как дразнили немцев, сколько было песен. Карточка у меня была рабочая – мне повезло.

Ходил в военкомат и сказал, что я радиолобитель, механик телефонной станции. Генерал-лейтенант обрадовался – им такие были нужны и вскоре меня направили на фронт, в пограничный стрелковый 48 полк, но придерживали в тылу, как особо ценного бойца. Было мне тогда 17 лет, в октябре 1943 года, и меня сразу забрали на фронт. В полку я был автоматчиком 9 месяцев, охраняли мы склады на побережье Ладожского озера (Ваганово, Кокорево). Жили в землянках по 240 человек. Сначала нас придерживали.

В 1944 году, когда финнов погнали в сторону Выборга, наш полк был направлен за ними. Меня определили в Кавголово, я там жил. Сначала устроили там парад полка, затем пешком мы дошли до Балтийского вокзала, где стоял санитарный поезд, отмыли его от крови. Нас погрузили – 500 человек – и повезли в Сланцы. Оттуда шли пешком под Нарву, где были тяжелые бои (8 августа 1944 год). Под Нарвой нас чуть не расстреляли свои же, признали нас дезертирами и в землянку тащили по очереди.

Я попал во 2 ударную армию, бывшую Власова, которая наступала со стороны Ораниенбаума. Я попал в 201 Гатчинскую краснознаменную дивизию, 92 Сестрорецкий краснознаменный полк, 96 отдельная рота связи. Дивизией командовал полковник Ширяев, а 119 корпусом – Трубников. Я там обеспечивал связь. В дивизии я служил 9 лет.

Окончил войну в минометной 120 батарее (командовал Фридман) 92 полк. День победы встретил в Курляндской группировке под Либавой, где были зажаты немцы. 8 мая шли бои. Немцы через небольшое озеро и кричали: «Рус! Конец война». Я был рядовой, радист, начальник радиостанции. При штабе дивизии я попал.

Я попал в радиовзвод. Меня проверил на знания техник-лейтенант. Сидит девушка красивая, блондинка. Доложила ему, что прибыл из Ленинграда. Меня проверили, что я умею - работал на телефонной станции, радиолобитель, приемники собирал, телевизоры начал собирать, разбираюсь в схемах.

И я попал в оперативный отдел при штабе дивизии, вторым номером. Нас обучили морзянке, сдал на первый класс. Радисты-пограничники были элитными войсками, очень хорошими. В дивизии я был девять лет.

После войны нас бросили на проческу лесов, до октября 1945 года, лазали мы с винтовками по лесам. Нас власовцы и бендеровцы чуть не перебили, мы ходили по 9 человек, леса там очень огромные, страшные. Война закончилась, им терять нечего. Там, где мы ходили 15-20 км, где мы пели гимн Советского Союза, они там жили под землей, у них там были землянки, радиостанции, бункера. Потом, после нас, пришли части НКВД и стали лес выжигать.

А нас быстро погрузили в вагоны в городе Тукумске, всю секретку и отправили куда-то, без пункта назначения, на Дальний Восток. Проехали мы Смоленск, Куйбышев, Ташкент и привезли в Сталинобад. Полк перевезли на

американских машинах за 200 км в гарнизон. Ранее там дислоцировался кавалерийский полк, который ушел на фронт и больше он не вернулся.

Сначала я там вел занятия с радистами – у меня был уже строй класс. Потом мне сказали – забирай винтовку, пойдешь работать в ДКА – Дом Красной армии на 800 человек. Там шикарный радиоузел, киноаппаратура, электростанция. Там я был 9 лет.

Я фотографировал много в армии, библиотека у меня там была, автомат ППШ и запасные диски.

С женой Надей я познакомился после войны. Она 1926 года рождения, закончила Ростовский радиотехникум и ее прислали работать в гарнизон в Сталинобад (Душанбе). Я не собирался жениться. Меня ждала Нинка с шестой парадной. Мы с ней бегали в детстве, в лапту играли, потом она связалась с ворами. Я приезжал во время службы в Ленинград.

На фронте нас было 12 девчонок и 12 парней, а между ними на одни нары всегда клали меня или Василия, как неискушенных. И на радиостанции были три телефонистки, я боялся их, не знал, как с девушками обращаться.

С Ниной мы ходили на танцы, я подбирал музыку, свет. Танцевали и на улице. Ссорились мы, год не встречались. До того догулялись, что состряпали дитё. Пришлось жениться, я не мог ее бросить, нам дали отдельную комнату.

В 1950 году мобилизация, но нам объявили, что кто имеет семь классов образования и воевал с этим 92 полком, то могут присвоить звание младших лейтенантов, поэтому я остался радиомехаником, старшиной тогда уже был. Посылали мои документы в Ташкент, чтобы мне присвоили техника, но я слишком много захотел. А радиотехником был единственный Богданов. К тому же с нас снимали погоны в 1950 году, поэтому я не получил младшего лейтенанта.

Когда мы вернулись в Ленинград в 1953 году, то жили в квартире на Старо-Невском пр. Там же была и моя сестра. Я ей писал, что скоро буду офицером, радиотехником, но мне предложили быть командиром взвода и, я отказался, поехал домой в Ленинград.

Квартиру удалось сохранить за собой, вскоре приехала жена с дочерью. Надя устроилась на Московский радиоузел и звала к себе, но я сказал нет и пошел узнавать про работу. И один мне говорит, что иди ты в пожарный техникум на пр. Сталина. Меня в техникуме хорошо встретили- Бьяжев был начальником отдела кадров – он сказал, что мы ищем, ищем. Дали мне должность – старший мастер звукофикации радио и кино и я на этой должности до сих пор, только теперь эта должность – киномеханик. По приказу я с 30 марта 1953 года в ЛПТУ.

Я был старшина, только погоны поменял на МВД, была фуражка с синим околышком, а был я в войсках Министерства обороны.

Мы работали здесь в Главном здании и на Фонтанке, где по пятницам показывали платные фильмы. Основная задача, чтобы все работало, можете и не ходить, поэтому мы халтурили, делали приемники. По совмещению я

работал в библиотечном техникуме на Лиговском пр, 70 как техник. Этот техникум окончила потом моя дочь.

Задача у меня была следующая – показ кино в субботу и воскресенье для курсантов. А я жил у Московского вокзала, затем переехал на Очаковскую улицу, потом расселили и я попал в тот дом, где сейчас в Купчино в 1967 году во Фрунзенском районе.

Начальник клуба у меня был отличный мужик Захаров. Он был отличный мужик. Он выгонял того, кто здесь не работал. Клуб подчинялся политотделу. Ему же подчинялась библиотека и комната истории (музей). Сначала музей был на втором этаже, напротив современной комнаты – кассы.

Еще в Сталинобаде я был направлен на курсы радиомехаников в Горьковское танковое училище, через год я должен был вернуться. Это были курсы по передачи опыта. Но оттуда все стали разбегаться, так как сказали, что нас будут отправлять в Германию. Я вернулся в полк, где мне предложили быть командиром взвода, но я отказался и поехал в Ленинград.

Клуб на Фучика существует 10 лет с 1997 года. Там аппаратура была великолепная, все было новое. Там были курсы повышения квалификации, находились слушатели, потом там сделали казармы.

В техникуме я проработал начальником радиоузла 45 лет.

Запомнился пожар в Главном здании. Я охранял спасенные вещи, чтобы ничего не растащили. Мне кажется, что все подделали это, при Андрееве случилось – его не любили. Был выходной день. Не было начальника клуба и политотдела. Занимался в зале Джаз-банд. Я приходил в зал и гонял их из кинобудки. Что-то произошло там.

Каждое субботу-воскресенье были танцы для курсантов, приходили девочки из техникума, затем я показывал кино. Танцевали на площадке пятого этажа, а фильмы показывали в зале. Часов в 11-12 все заканчивалось.

Иногда я работал утром. Делал концерты по заявкам офицеров. Была радиогазета, политинформация. Часто собирали собрания в зале. Юбилейные мероприятия я не обеспечивал.

Аппаратура была великолепная в клубе, делал ее комбинат, как в кино, шикарная аппаратура и на гарантии она стояла, её обслуживал комбинат кино. А потом все обслуживал я с курсантами. Я два года мучился – у меня нет квалификации, в кинотеатрах инженеры, Механики, я переживал за курсантов, что их может дернуть током. Я столько пережил и никто не интересовался....

Я пережил 8 начальников, Урусов девятый.

В атаку с винтовкой я не ходил. Однажды мы, когда пошли на задание, то наткнулись на таких же немцев. Но задание выполнили, перебили немцев. Я обеспечивал связь – самое главное на войне.

У меня штук 20 медалей. Первая моя награда в 15 лет «За боевые заслуги», орден «Отечественной войны».

В лагере в Сосново никто туда не хотел ездить и я 35 лет ездил туда один, никто ничего не знает, никакой электростанции. Кормили хорошо,

жилье тоже. Когда я схватил инфаркт, потом не ездил. Лагерь был сначала в Сосново, потом в Лемболово, потом опять в Сосново.

Прожили мы с женой 47 лет и только один раз подрались. Жена умерла внезапно, у неё было три инсульта.

Дочь закончила институт культуры, работала в библиотеках, сейчас работает в Пушкине, но устала и хочет уходить. Жена умерла несколько лет назад.

**Переписано с диктофона
после беседы в июне 2008 года.**